

UDC 94(395):903

**WOMEN-WARRIORS OF THE EARLY NOMADS
FROM THE BIG AND SMALL NECROPOLISES
(ON PLANIGRAPHY ANALYSIS AND THE STATUS CLARIFICATION)**

S. Yatsenko

DSc (History), Professor

Department of the History and Theory of Culture

Russian State University for the Humanities

6, Miuskaya Sq., Moscow, GSP-3, 125993, Russia

sergey_yatsenko@mail.ru

In general for the Great Steppe the clusters of necropolis of a certain period (where several women with weapons were buried) were founded in the Lower Dnepr (the 4th c. BCE) and in the Lower Don (the late 1st c. BCE – the mid. 3rd c. CE). There were the most important economic zones of Scythia and Sarmatia, with the best pastures, with a large population and the presence of cities. In the 4th c. BCE the number of women with a weapon increased in connection with the disintegration of Scythia, for Sarmatians of the beg.–mid. of the 1st c. and the second half of the 2nd c. CE – after the waves of migrations from the East. In the Central Asia the women-warriors are almost not identified. In those tribal groups of nomads who often clashed for the most attractive regions all women from the age of marriage (12 years) could receive the military training during collective hunting and small raids. But the need for the mobilization of women occurred rarely and not all of them participated in wars. The corpses of most of the women who died in the war remained on the battlefield and did not get to the clan cemetery. The women-warriors found in the graves are usually at the age of 25–30 years, i.e. spent years living in a marriage. As for the women of an earlier age (of the period of their greatest military activity) the weapons have not been found in their graves. The placement of the weapons was, probably, due to two factors: it was associated with special personal military merits in previous years and with the status of the family (or husband) at the moment of a woman's death.

© 2018 S. Yatsenko; Published by the A. Yu. Krymskyi Institute of Oriental Studies, NAS of Ukraine on behalf of *The Oriental Studies*. This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>).

The female set of weapons in each community was different from the male one. The weapons more prestigious than the usual arrows which sometimes appear in a woman's grave are dependent on her age group or specific traditions of her clan (which used a specific type of graves). The relatives were not keen to place in the grave of the woman a full range of her weaponry (probably, they sometimes put with the woman their weapon similar to that which she used). In order to denote a socially significant status of a woman it was sufficient to put in her grave the weapons of more rare type (1–4 spears and scaly armor for Scythians; the axe, long sword or three different blades for Sarmatians). As for the Sarmatian women who got married in settled cultures settlements of the mouth of the river Don, their weapons remained an important factor of self-identification; it was also recognized by their new relatives. Some of these women were integrated into the local elite (in Tanais).

Keywords: female warriors, nomads, Scythians, Sarmatians, necropolis, planigraphy

С. А. Яценко

ЖЕНЩИНЫ-ВОИТЕЛЬНИЦЫ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ В БОЛЬШИХ И МАЛЫХ НЕКРОПОЛЯХ (к анализу планиграфии и уточнению статуса)

Введение

Древние авторы сообщают нам немало важного о женщинах-воительницах у кочевников. Для язаматов / иксаматов и, видимо, соседних сираков I в. н. э. мы имеем детальные реалистические описания подготовки женщин с подросткового возраста к коллективным охотам и иногда – войнам, а также особенностей их оружия (*Pomp. Melae. De Chorogr.* I, 21, 5 и 114; III, 4, 35). Сохранились сведения об исторических личностях – могучих воительницах, не уступавших мужчинам в силе и боевых подвигах (*Diod.*, *Syc.* II, 44–46; *Pomp. Trogus.*, *Hist. Philip.* II, 1, 4; *Arrian, Anab.* VII, 13, 2–6; *Ctesias. Persika*, fr.). Женщин-воительниц сарматов на Дунае в 275 г. их врагам-римлянам не удавалось отличить от мужчин ни по поведению, ни по внешнему виду (*SHA. Avrelian*, 22). В архаичных сказаниях нартовского эпоса осетин – наследников сарматов – изредка упоминаются специальные отряды женщин-воинов [Калоев 1959], но они, вероятно, существовали и у древних савроматов (*Herod.*, *Hist.*, IV, 116).

Археологическому изучению женщин-воительниц у кочевников античности мешают разновременные ограбления многих их

могил и отсутствие для большинства изученных ранее памятников достоверных определений пола и возраста (последние нередко делались только для единичных, элитных погребений, а кости остальных не хранили; антропологов также часто не интересуют возможные следы “всаднического стресса” и боевых травм).

Наиболее вероятно, что большинство трупов женщин-воинов остались на местах сражений и не попали на клановые кладбища (об этом свидетельствует и низкий процент боевых травм у женщин с оружием в погребениях). Кроме того, если в каком-то племени всем женщинам приходилось воевать, то далеко не всем после смерти по их заслугам, наследственному статусу и обстоятельствам смерти позволялось помещать какое-либо оружие в могилу. Я пока не могу поддержать предположение коллег, что доля женщин с оружием в некрополе *выявляет реальный состав участниц военных конфликтов* в разные периоды из жизни, свидетельствует об их “воинской повинности” и т. п.¹ Исходя из сказанного, могилы женщин с оружием встречаются редко (обычно они отсутствуют, иногда найдены по одной, реже – по две на некрополе); только небольшое их число вызывает у специалистов излишний скептицизм относительно их социокультурной информативности [Богаченко 2011, 153–156, 185–187]. В целом по поводу их социальной интерпретации в головах коллег царит хаос. Сегодня в литературе существует *множество объяснений причин того, почему женщинам из среды античных номадов помещали в могилу один или серию предметов вооружения*. В этом факте видят: свидетельство реального участия женщины в военных действиях; отражение статуса женщины как близкого “мужскому”; ритуальные предметы, амулеты; проявление уважения к умершей со стороны родственников-мужчин; средства защиты на пути в загробный мир женщин, лишенных покровительства; дары умершему ранее мужу; результат разрушения или символического мужского погребения, где женщина была лишь человеческой жертвой [Богаченко 2017, 217–218]. Многие из этих трактовок выглядят даже в первом приближении весьма экзотическими и умозрительными.

Считается неясным, насколько наличие таких погребений отражает реальную картину “народа-войска” номадов, о чем именно

¹ Ср. по скифской Мамай-Горе: [Фиалко 2010, 196].

нам говорит преобладающий возраст умерших, было ли оружие в могилах их полным и реальным набором оружия на войне, повышало ли участие в войнах статус женщин, в чем отличие оружия у знатных дам. Если раньше исследователи были убеждены, что перед нами – следы прежней военной активности умершей, то сегодня научная “мода”, как нередко бывает, качнулась в противоположную сторону: некоторые считают, что женщины *вообще никогда не воевали*, а оружие в их могилах – лишь *некий символ*; правда, чего именно – такие авторы внятно объяснить и аргументировать (со ссылками на исторические и этнографические аналогии и т. п.) не могут, а в малочисленности могил с оружием они видят подтверждение такого тезиса. На мой взгляд, подобный вывод возможен лишь при недостаточном знакомстве с рядом важных фактов².

Даже специалисты по этой узкой проблеме обычно рассматривают единичные и изолированные погребения, часто без антропологических определений [Фиалко 2015, 60–69]. Они нередко принимают за “вооруженных женщин” умерших с положенным им *единственным наконечником стрелы*³ [Фиалко 2015, 62, 63, 66–67, 72–73; Богаченко 2017, 197, 199–200, 202–204, 208–211]. Думаю, в кочевых культурах в наличном материале курганных некрополей⁴ будет наивно искать достоверный демографический или социальный срез эпохи. Однако их данные при корректном подходе открывают дополнительные возможности социокультурных интерпретаций статуса этих, судя по возрасту, почти всегда уже *замужних* в традиционном обществе женщин.

До сих пор, при всем обилии подходов к проблеме “вооруженных женщин”, в науке имеется один *важный пробел*: их могилы

² Некоторых из уже названных вполне прозрачных античных хроникальных по характеру, а не легендарных данных по сакам и сарматам; следов боевых травм у серии женщин с оружием; этнографических параллелей по воительницам пастушеских племен Восточной Африки, раджпутов Индии и т. п.

³ Который еще в XX в. был у многих кочевников Евразии обычным амулетом для матерей.

⁴ При их высокой половозрастной и подчас – социальной избирательности, уничтожении их частей в процессе поздней хозяйственной деятельности и немалой доле разновременных ограблений.

de facto рассматриваются на каждом кладбище *поодиночке, как бы в вакууме*. Между тем новые перспективы изучения культурного и социального феномена женщин-воинов открывает анализ *планиграфии* могильников, как малых, так и больших. Необычные для номадов степи, *очень редкие обширные некрополи* включали также и достаточно *большие серии* могил таких женщин. Они были курганные⁵ и грунтовые, как Скельки [Попандопуло 2011]. Высокая плотность погребальных комплексов в них (при обилии места в необозримой степи вокруг) и само их количество (при господстве в степной зоне семейных / клановых кладбищ групп от 2–3 до 15–30 курганов одной культуры) означают, что они, вероятно, *располагались в сакральных центрах* (у священных родников или деревьев или, более вероятно, у могилы особенно почитаемого предка). Современные исследователи избегают их детального системного анализа и не сопоставляют их между собой. “Амазонские” материалы двух из них кратко, предварительно и не полностью рассматривались⁶. Мои недавние наблюдения по ним [Яценко, Вдовченков 2015, 176–177; Яценко 2016а, 317; 2017, 262–263] также нуждаются в развитии. В наших целях могут быть использованы только некрополи, раскопанные полностью или хотя бы большим сплошным, представительным сегментом.

Системное рассмотрение древнего кочевого некрополя как некоего *целостного социально-культурного и сакрального пространства* (во многих случаях комплектовавшегося в соответствии с определенными правилами, а иногда – для малых некрополей – и единым замыслом), включавшего в себя отнюдь не только собственно погребальные комплексы, но и другие связанные с ними объекты (алтари, тризны, святилища, иногда – священную рощу и т. п.), нередко встречает внутреннее сопротивление у коллег. Например, не так уж редки случаи, когда в ведущих специализированных изданиях по скифам общий план некрополя в итоговой публикации *вообще не давался* (так, для ряда курганных кладбищ Херсонщины все ограничивалось лишь

⁵ Такие как Мамай-Гора у скифов с 367 могилами [Андрух, Тошев 1999–2009] и Новый у среднесарматских племен со 184 могилами и 228 умершими [Илюков, Власкин 1992, 30–142; Батиева 2011, 99–103].

⁶ См. по Мамай-Горе: [Фиалко 2010]; по Новому: [Вдовченков 2013].

указанием расстояний между курганами, как для могильника у с. Нововедоровка [Куприй 1991], либо (как для грунтового некрополя у с. Михайловка) простым сообщением, что, на взгляд раскопщиков, “могилы скифского времени были расположены... без всякой системы” [Ладоговская, Сымонович 1973, 235]. Такие ситуации наглядно демонстрируют, что ряд коллег за единичными могилами фактически не видят целого могильника (и, во всяком случае, не считают важным его общее видение).

Скифия конца V–IV вв. до н. э.

Здесь некрополи с *сериями* вооруженных женщин появляются поздно – не ранее рубежа V–IV вв. до н. э., в основном – именно в IV в. до н. э. Важно понять, почему это так. Могильники скифов, в которых мы находим трех и более женщин-воительниц (с антропологическими определениями), выявлены лишь в двух районах (**рис. 1**). Основной – от Днепровских порогов до речки Молочной – был в это время фактически главным политическим и экономическим центром. Здесь в некрополях концентрируются и выявленные антропологами для Скифии случаи боевых ранений [Дараган 2016, 46, *рис. 9*]. Вне городских центров (Елизаветовское) курганных могильников в степной Скифии, где достоверных воительниц выявлено более двух, известно всего пять⁷, и все они находятся именно в названном районе.

Вторая зона – восточная граница с опасными соседями – савроматами и ранними сарматами. На фоне обычных для таких могил 20–130 стрел в колчане (в Верхнетарасовке и Акимовке это лишь пучки стрел) редкими и, видимо, престижными у скифских женщин-воинов были от 1 до 4 копий, а иногда и панцирь (Мамай-Гора, курган 5; Колбино I, курган 5). К этому списку на правом берегу Днепра и на восточной границе вдоль Дона (к. 14/2, к. 27/1 и к. 51/2 в Елизаветовском⁸; Северный I, курган 3; Сладковка, курган 4) добавлялся *меч*. В городском некрополе Елиза-

⁷ См.: [Богаченко 2017, 183–184, 194–197, 199–200; Фиалко 2015, 68–70].

⁸ Здесь и далее при перечислении номеров курганов и погребений в них используются *сокращения* (например: курган 13, погребение 2 = к. 13/2).

ветовское в парных погребениях у женщин 25–40 лет встречен более богатый набор: меч, копьё и стрелы в колчане [Яценко 2018а, 209].

Наибольший интерес представляет самый обширный некрополь Скифии – *Мамай-Гора*. Он принадлежал бедным кочевым кланам конца V–IV вв. до н. э., которые весьма плотно хоронили своих умерших в могилах трех типов (**рис. 2**). Здесь было погребено *не менее 15 женщин-воинов* во всех типах могил⁹, в основном – в численно преобладающих подбоях (8), и лишь одно совершено в яме [Яценко 2017, 262–263, *рис.* 7]. Вероятно, мы наблюдаем продуманную композицию для захоронений женщин с оружием в структуре некрополя. Подбой образуют два скопления в западной и восточной частях (по 3 или 5 могил); в центре пять катакомб расположены вдоль северной и южной границ кладбища; единственная яма находится на восточной границе (остальные могилы этого последнего типа хаотично разбросаны по 1–2 по всей территории). Казалось бы, среди женщин с оружием должны преобладать те, которые в прошлом находились в раннем брачном возрасте (12–20 лет)¹⁰. В действительности среди женщин с оружием таких нет вовсе (!). В подбоях господствуют женщины 25–30 лет, а в катакомбах – 30–35 лет (при тогдашней продолжительности жизни – весьма и весьма пожилые), то есть те, которые уже обычно давно не воевали. Военные травмы у женщин здесь известны, но этот материал антропологом Л. В. Литвиновой так и не опубликован. Чаще всего могила с оружием – одна из многих среди 3–10 предполагаемых родственников внутри кургана. Иногда во всех трех типах могил есть совместные погребения со взрослым мужчиной (сверстником-мужем или с отцом на 20 лет старше), видимо, если оба умерли

⁹ Воительницы представлены в: 1) к. 5/3; 2) к.10/6; 3) к. 13/2; 4) к. 15/2; 5) к. 16/1; 6) к. 20/4; 7) к. 36/3; 8) к. 45/1; 9) к. 54/3; 10) к. 85/6; 11) к. 100; 12) к. 118/2; 13) к. 121/1; 14) к. 138/1; 15) к. 139/6.

¹⁰ Брачный возраст для девочек в 12 лет (появление месячных и достижение важного священного числа лет) еще недавно считался нормальным во многих районах планеты. Показательно, что у ряда наиболее воинственных кочевых народов и мальчиков брали в первый набег именно в 12 лет [Ботьяков 2002, 56–57].

одновременно от болезней или голодовки. Однако совместных могил с детьми здесь (в отличие от других подобных некрополей) не найдено.

Из вооружения чаще женщинам обычно помещали только стрелы (меч в могилах Мамай-Горы был чисто мужским атрибутом). Если их могилы не ограблены (во всех 5 подбоях восточной группы), здесь у женщин старше 25 лет были колчаны с 20–50 стрелами, а в катакомбах – либо менее 20 стрел, либо больше (до 45). Это определялось возрастом: все колчаны с более 20 экз. известны только у лиц 25–35 лет; у женщин до 25 лет и старше 35 их число меньше. Дополнительное, кроме стрел, оружие (1–2 копья) встречено у двух дам старшей возрастной группы (30–35 лет) на краях некрополя (к. 5/3 и 54/3); в первом случае (у самой влиятельной из местных женщин) оно дополнено чешуйчатым панцирем и парой метательных боласов. Изделия из золота и серебра в этом бедном некрополе встречены только в катакомбах, почти всегда – у женщин. Единственное такое не ограбленное погребение женщины-воительницы (к. 16/1) содержит серебряную гривну, золотой перстень, несколько ожерелий, колчан с 45 стрелами. Ограблена всего $\frac{1}{5}$ часть воительниц; этот процент ниже, чем в среднем женщин. Многие аксессуары их костюма (в отличие от “мирных” женщин) не зависели от типа могил и *определялись возрастом*. Так, с 25 до 35 лет отмечены 1–3 серьги (к. 45/1, 85/6, 139/6), тогда же использовали пряжки и пуговицы (к. 100, 118/2, 139/6). С 30–35 лет носили 1–2 перстня (к. 13/2, 100).

Важен и очень бедный скифский грунтовый могильник *Скельки*, где обнаружены 9 женщин-воительниц¹¹ (рис. 3)¹². Он интересен на фоне аналогичных не только большими размерами, но и тем, что в нем преобладают женщины (23) и дети (15), а не мужчины (10). Могилы женщин с оружием (за исключением № 15) были помещены не в основной зоне семейных и детских могил на востоке, а располагались на западе и северо-западе. Другая интересная особенность – в том, что ритуальные комплексы рядом с могилами (алтари, особые тризны) здесь относятся в двух

¹¹ См. его план: [Попандопуло 2011, 6–7].

¹² Могилы воительниц: №№ 15, 24, 36, 39, 44, 45, 49, 50, 54.

случаях из трех именно к женщинам-воительницам (№№ 15 и 33 на восточном и западном краях). Оружие обычно встречается у женщин 20–25 лет – более молодых, чем в Мамай-Горе. Единственная могила (№ 24) с оружием, отличным от обычных здесь стрел (в данном случае – копье), как и в Мамай-Горе, принадлежит пожилой даме; случаев, когда помещали не пучок стрел, а их набор в колчане (более 25 штук), всего два (№№ 15, 44). Все это более сложное вооружение известно только в ямных могилах и отсутствует в катакомбах (что, вероятно, отражает традиции и престиж разных кланов). Женщины с оружием, в отличие от Мамай-Горы, примерно поровну распределены между двумя типами могил (катакомбы и ямы), и они отсутствуют в семейных могилах (муж + жена + ребенок). Женщин-воинов иногда сопровождает ребенок 1,5 лет (№ 25) или подросток (№ 39) (обычно умершие дети в Скельках имеют иной возраст – 5–8 лет).

Теперь попытаемся выяснить, что может нам дать анализ планиграфии скифского некрополя *с единичными воительницами*. Хорошим примером являются **Рядовые Могилы (Золотобалковский)** к западу от села Золотая Балка в том же районе. Его образуют три группы курганов, вытянутых по линии север – юг [Полин 2014, *рис. 1, 2 цв. вкладки*] (**рис. 4**). Каждая из них была, вероятно, “семейной группой” с одним большим курганом лидера в центре (видимо, с него и начиналось их оформление). Самой ранней (рубеж V–IV вв. до н. э.), судя по амфорной хронологии, была южная группа с маленькими курганами; в ее центральном кургане (высотой всего 1,3 м) был похоронен мужчина. Совсем другой облик имеют более поздние центральная и северная группы. Здесь основными погребенными в самом высоком кургане (5,1 – 6,0 м, курганы 15 и 22) были женщины-воительницы (центральный и самый высокий курган № 15 сооружен во второй четверти IV в. до н. э. для женщины 22–25 лет, а северный № 22 – в середине столетия для женщины старше 30 лет). У обеих женщин здесь, видимо, были по три копья и колчан со стрелами, а также богато украшенный золотыми аппликациями костюм, которые повредили грабители; рядом с каждой госпожой была положена убитая служанка [Полин 2014, *рис. 51, 66, 70, 73, 92, 100, 103, цв. вкладка, рис. 77а, 78а, 106а*]. В этом некрополе именно

могилы женщин-воительниц образовывали центральный элемент кладбища, и их наиболее роскошно провожали в Иной мир.

Сарматия I в. до н. э. – середины III в. н. э.

У кочевников, создавших три “сарматских” культуры, некрополи конца I в. до н. э. – середины III в. н. э. концентрировались в важнейшем экономическом центре и районе самых плодородных пастбищ – в низовьях Дона (**рис. 5**). Самым ранним и важным из них является *Новый* в Сальской степи, датируемый в основном в рамках I в. н. э., с двумя этапами [Ильюков, Власкин 1992, 30–142; Батиева 2011, 99–103; Яценко 2016а, 315–317] (**рис. 6**). В его составе больше всего мужчин; высока и доля детей (25 %). Здесь известны 14 погребений женщин-воительниц (20,5 % женщин)¹³. Большинство могил (как и воительниц: 11 из 14) относится к *раннему этапу*, который по многим признакам был стрессовым для хоронивших здесь коллективов, сопровождался конфликтами с соседями [Яценко 2016а, 317]¹⁴. Как и в Мамай-Горе, здесь воительницы представлены во всех трех типах погребений: в преобладающих ямах, в ямах с заплечиками и в подбоях. В ранний период (**рис. 5**, слева) ямы и подбои встречены на разных участках, а ямы с заплечиками концентрируются на небольшом участке на границе с долиной реки Сал. В поздний период использовались только ямы (по одной в каждом из трех “семейных скоплениях”).

¹³ Это к. 14/1; к. 17; к. 61/3; к. 71; к. 74/4; к. 75/1; к. 84/1; к. 85/4; к. 91; к. 92/2; к. 95/2; к. 96/1; к. 99/1; к. 124.

¹⁴ Именно к этому времени относятся все пять парных могил вооруженных сверстников (их размещали в центре основной курганной линии: к. 53, 59, 70, 79, 80). Только тогда для четырех умерших (в т. ч. воительницы 18 лет) отмечены случаи их скальпирования врагами (к. 129/7,8; к. 85/4), и даже у подростков переломаны кости (к. 64/4). Только у ранних умерших наблюдаем разнообразные ритуалы, касающиеся оружия. Показательно и уменьшение впоследствии в 5 раз (!) захоронений мужчин с детьми (10 : 2), отражающих не только голодовки или эпидемии, но и насильственную смерть. Наконец, уникальная для сарматской степи актуализация употребления знаков собственности (к. 12/3, 14/2, 67/4,5, 80/3, 88/1) тоже отражает конфликтность среды; такие случаи тоже известны лишь в ранних могилах.

У большинства воительниц (8 из 14) сохранились лишь стрелы. Хотя около 75 % этих могил ограблено и уверенности в господстве такого оружия нет, но в трех из четырех единственных погребений в курганах обнаружены именно стрелы и даже после ограбления сохранялось до 46 наконечников. Интересно, что в четырех могилах (как целых, так и ограбленных: курганы 17, 75/1, 91, 95/2) обнаружены *по 3 стрелы* (наиболее простое священное число), и, вероятно, грабители не трогали этот сакральный набор. Еще в 6 погребениях (от 18 до 55 лет всех типов могил) вооружение было иным, и в нем царил полный разнобой, производя впечатление случайности. Однако это не совсем так: в обеих ямах с заплечиками присутствовал меч, в обеих ямах – топор. Известны комплекты: меч и кинжал (к. 85/4), меч и боевой нож (к. 61/3), меч (к. 84/1), кинжал и стрелы (к. 74/4), топор и боевой нож (к. 71), топор (к. 96/1).

От Мамай-Горы Новый отличается, кроме прочего, наличием воительниц *до 20 лет* (к. 17, 74/4 – каждая с 1–2 маленькими детьми; к. 85/4 – с двумя братьями (?) в одной могиле, у всех троих – по мечу и кинжалу), при том что, за одним исключением, их возраст в целом – от 18 до 25 лет; присутствием среди оружия мечей, топоров и боевых ножей, а также наличием умерших *с 1–2 маленькими детьми* (к. 17, 74/4, 84/1, 91); специальных могил детей в ранний период тут не было. Одна из воительниц 20–25 лет (к. 84/1) похоронена с новорожденным, т. е. умерла от родов, ее сверстницы в трех других случаях – видимо, от эпидемии или голодовки (?), а погребенная в к. 85/4 – от скальпирования врагами [Перерва, Лукьяшко 2011, 383], как и два похороненных с нею брата (?). От местных *мужчин-воинов* (у которых обычной была комбинация меч + стрелы) воительницы Нового отличались отсутствием панциря, копий, парных комплектов экипировки (мечи + узда), наборных поясов или поясов с золотыми / серебряными / с золотой плакировкой пряжками. (В. Е. Вдовченко считает преимущественно элитными ямы с заплечиками)¹⁵. У женщин

¹⁵ Высота кургана 71, насыпанного в сарматское время, а не, как обычно, еще в бронзовом веке, была *более 0,5 м*, что известно еще лишь для мужчины в кургане 118. Для этой женщины (а также для трех рядовых воительниц к. 17, 91, 124) насыпали персональный курган, куда позже новые могилы не впускались.

Нового отсутствуют и частая у мужчин (7 случаев) единственная символическая стрела-амулет. Как и у мужчин, у воительниц отмечены аналогичные обряды с оружием (помещение стрел в двух местах могилы – к. 75/1). Большинство явно были из бедных семей; однако обе женщины с *топорами* из простых ям входили в местную скромную элиту, их костюм включал золотые бляшки одежды, серебряный перстень. Сравнительно высокий статус хозяек топоров у “средних сарматов” подтверждается многими фактами [Яценко 2016б, 201–203, рис. 5]. Как уже отмечалось, для четырех женщин насыпали отдельный курган. Иногда под насыпью всего две могилы (кроме воительницы, это ее вероятный муж – к. 61/3, 75/1, 84/1, 92/2, 95/2 или сын – к. 96/1); в одном случае рядом были две отдельных могилы детей (к. 99/1), в другом – в двойном подбое (к. 61/3) были две женщины, каждая – с ребенком, одна из них – воительница.

Обратимся к материалам *центральной части* обширного сарматского некрополя, расположенного у устья Дона, на левом берегу, **Высочино I, II, V** с 58 курганами [Беспалый, Лукьяшко 2008; Яценко 2016а, 317–319, рис. 3), относящимися к среднесарматской и ранней стадии позднесарматской культуры (**рис. 7, 1**). Увы, лишь для части умерших достоверно определялся пол. Однако несомненно, что для каждого периода этого преимущественно элитного могильника *женские* курганы резко преобладали над мужскими и детскими. Это нетипично для многих синхронных позднесарматских некрополей, где преобладали мужчины (см., например: [Балабанова 2000]). В позднесарматское время ядро некрополя составляли четыре кургана аристократии (три из них – женские), причем каждый из них имел своеобразный тип могильного сооружения (!). Ограблен был лишь самый восточный женский курган (к. 12, группа II) (**рис. 7, 2**). Особенно интересны две женщины-воина (к. 10, группа I; к. 18, группа V) с парадным костюмом, включающим платье с глубокими, богато декорированными разрезами [Яценко 2015а; 2018а, рис. 4, 6–7]. С каждой из них связаны по два соседних кургана рядовых родственников или клиентов (взрослого и ребенка). Наиболее высокий ранг в этом некрополе можно предполагать у женщины из кургана 10: во время поминок по ней на кургане были разбиты около 30 амфор с вином, с ней поместили *три разных вида клинкового оружия* (ср. то же на женской поминальной статуе III–I вв. до н. э. у храма

Кызылуийк на северо-западе плато Устюрт в Западном Казахстане [Яценко 2018а, *рис. 4, 1б*; 2018б, *156, рис. 1, 2*] и у мужчин на синхронных сарматских-угорских изображениях клада из Сапогово [Яценко 2000, *рис. 3: 2*]. Несколько уступала ей, вероятно, женщина из кургана 18, но она имела статусное оружие – топор, а также платье из шелка (?), украшенное узором из золотых нитей, золотые аппликации на платье и головном уборе и множество дорогих импортных изделий. Как и в скифских Рядовых Могилах, фактически именно женщины-воины занимали центральное и почетное место в композиции некрополя.

Приведу теперь примеры некрополей, в которых обнаружена лишь одна женщина-воин, не занимавшая центрального места в композиции, однако обладавшая атрибутами высокого статуса.

К началу позднесарматской культуры относится цепочка из пяти курганов *Валовый I* [Безуглов, Глебов, Парусимов 2009; Яценко 2016г, *277–279, рис. 1, 1*] (**рис. 8**). Планировка этого элитарного некрополя всего из 6 умерших (3 мужчин и 3 женщин) имеет яркую гендерную симметрию. Древние грабители действовали очень избирательно: они не тронули все женские могилы (с золотыми вещами), а две мужские могилы оказались ограблены. Для всех женщин здесь характерно обилие амулетов и редких (явно преимущественно культовых) атрибутов. В центре находился самый высокий курган 4. В нем вначале был похоронен самый влиятельный мужчина и позже – его жена (?). Ее могила очень скромная, но она включала связку перевязанных прутьев (использовавшуюся иранскими народами для гаданий). Края некрополя образовывали два мужских кургана. Курганы основной пары окружали два кургана женщин около 30 лет с золотыми колье с гранатами, бронзовыми котлами с зооморфными ручками и крупными римскими бронзовыми изделиями с изображением обнаженных мужских персонажей. Из этой пары в кургане 33 атрибуты женщины намного скромнее, но включали набор для игры (гаданий) из 26 овечьих астрагалов и чашу из панциря черепахи. Наиболее же значимый статус среди женщин имела аристократка из кургана 9. *У нее единственной было оружие* (боевой топор), а также 4 перстня из золота и серебра с геммами, золотой флакон, платье со множеством золотых аппликаций (часто – с эмалью), комплект из четырех предметов римской бронзовой посуды и т. д.

Во многом противоположен предыдущим очень бедный и периферийный некрополь *Перегрузное I* [Балабанова и др. 2014; Яценко 2016б, 312–314, рис. 1] в бассейне Нижнего Дона, где были созданы, помимо других, 23 кургана среднесарматской культуры (рис. 9). Современники здесь гораздо чаще грабили могилы женщин (хотя их было меньше мужских). В этот период ядром композиции кладбища стали три высоких и вскоре ограбленных кургана 44, 45, 51, сооруженных в центре. Женщины здесь имели грубые железные жезлы длиной 40 см. К этим, главным курганам с востока примыкали еще два небольших, но по своему значимых: в одном (курган 37) была пара юношей-сверстников 20–25 лет с однотипным оружием (меч и пучки стрел): это были, вероятно, побратимы (ср. *Лис.*, Тох, 37) [Яценко 2016в]; в другом (курган 38) – единственное погребение воительницы моложе 40 лет с младенцем. Оно скромнее уже названных, но отличается наличием такого атрибута, как *топор* (помещенный в особой нише), и его также трудно считать рядовым.

К особому типу можно отнести небольшой могильник рубежа II–III вв. н. э. у с. *Новые Бедражи* (Молдова), где почти полностью раскопан ряд из 7 квадратных оград-ровиков (со сторонами около 12 м) с погребениями в 2–6 м к юго-западу от каждой по стандартизованному обряду [Курчатов, Симоненко, Чирков 1995; Яценко 2014б, 301; 2014а, 27] (рис. 10). Умершие воины (в случае уточнения возраста все – не моложе 30 лет, т. е. по тогдашним меркам довольно старые) сопровождались однотипным коротким мечом, 1–2 сосудами и обычно – амфорами (1–5 экз.). Восточный край этого ряда, видимо, предназначался для более значимых лиц. Так, у сооружения 6 были рядом две могилы (мужчины № 5 и женщины-воительницы около 40 лет № 6 (его супруги?), которой положен лишь фрагмент такого же меча, видимо символический (см. ниже)). Мужчина из самой дальней могилы 7 имел, кроме короткого, длинный меч и кинжал иного типа, чем у других, и отличался наличием дополнительных аксессуаров костюма (пряжки обуви, фибула, бусина на шее). Итак, воительница, видимо, была представлена в единственной здесь супружеской паре воинов, на почетном участке. Этот необычный некрополь я, как известно, считаю *одноразовым памятником жертвам некой военной акции (сражения, набега)*, для создания которого использовали

линии ритуальных рвов (единственный случай, когда они тесно увязаны с погребениями).

В целом для сарматских женщин разных культур обычным оружием в могилах были связка стрел (*Pomp. Mela*, III, 34–35) и реже – 1–2 боевых ножа. Другое обычное оружие – лассо (*Pomp. Mela*, I, 114) в могилах не сохранилось. В низовьях Дона во II–I вв. до н. э. преобладали короткие мечи [Глебов, Толочко 2016, 55–58, *рис. 1*]¹⁶. Мечи у ранних кочевниц не упоминаются античными авторами, т. к. они, вероятно, в скифское время чаще использовались периферийными группами (*Pseudo-Hippocrates*, Aeg. 24), а у сарматов (*Pomp. Mela*, III, 34–35) – особо отличившимися воительницами. Более редкими и престижными были в I – середине III вв. н. э. *топоры* различных типов. Топоры были у сарматской знати во многих ситуациях своеобразными атрибутами власти [Хазанов 1971, 51], и сегодня известно не менее 10 женских могил с ними (**рис. 11**) (ср. о их ритуальной функции: [Шевченко 2018, 229]). Этот вывод подтверждается и тем, что у знатных женщин каменные боевые топоры-молоты эпохи бронзы использовались как особые скипетры, а их фрагменты – как могущественные амулеты [Яценко 2007, 60–61; 2008, 119–121]. Показателем высокого статуса можно считать три предмета клинкового оружия, а также длинный меч, как в Высочино I (также см. ниже: воительницы на городищах устья Дона). В отличие от скифской эпохи, копья и метательные шары (боласы) женщинами в степи не использовались.

Воительницы кочевого происхождения, интегрированные в оседлые культуры

Большой интерес в этом аспекте представляют случаи в таком важном центре сарматского мира, как устье Дона, когда сарматские женщины, видимо, иногда выходили замуж за мужчин из соседних оседлых народов. По обычаю патриархального мира они должны были быстро интегрироваться в чужую культуру своей новой семьи. Тем более важны ситуации, когда таким женщинам на похоронах помещали в могилу их прежнее этническое оружие (!). Это означает, что само помещение оружия было важным для их посмертной судьбы, персонально для них, а также

¹⁶ Интересно, что из восьми находок мечей в данном контексте в трех случаях это символический фрагмент (клинки или рукояти), в двух – конец лезвия обломан (возможно, в бою).

допускалось представителями иной, оседлой культуры. В некрополе Танаиса II–I вв. до н. э. господствовали этнические греки и обряды эллинов. Отношения Танаиса этого времени с сарматскими номадами были вполне стабильными (город фактически не пользовался фортификацией, нет следов набегов и т. п.). А одним из важнейших показателей партнерских отношений между соседними народами во все времена являются регулярные (пусть даже редкие) *смешанные браки*. Одним из примеров этого можно, на мой взгляд, считать обнаружение в Западном некрополе на разных участках *8 могил женщин с оружием* этого времени (!). На раскопе 2001–2002 гг. (**рис. 12**) среди преобладающих женских и детских покойных (14 из 17) обнаружены две могилы женщин-воинов с сарматским оружием – стрелами в колчане (могила 34) или копьем (могила 50)¹⁷. Умершие имели по тем временам солидный возраст – около 30 лет. Если могила со стрелами очень бедная, то у женщины с копьем были золотые перстень и серьги. Эта дама, вместе с соседними могилами мужчины и ребенка отличалась формой могилы от господствующих обычных ям. По двум другим участкам раннего некрополя чертежи мне, к сожалению, недоступны. Однако известно, что здесь женщины на одном из участков (1996 г.) сопровождалась стрелами (могилы 1, 4 и 23), а на другом выявлены стрелы в сочетании с копьем (могила 8 раскопа XVIII 1992 г.) [Глебов, Толочко 2016, *рис.* 2–7]. Это отличает их от синхронных могил сарматских женщин в соседней степи, где у них, как уже отмечалось, преобладал меч; однако иное соотношение разных видов оружия вполне естественно для женщин, оказавшихся в чужой среде (оно обычно и для мужчин боспорских греков того времени). Часть этих женщин явно была включена в местную элиту, имела золотые аксессуары костюма (серьги, перстни, аппликации одежды). Попытки исследовавших такие могилы коллег объявить всех этих женщин в Танаисе патриархальными гречанками – домашними затворницами, оказавшимися в некоем нестандартном положении в пограничном городке [Глебов, Толочко 2016, 51] вызывают недоумение. Кроме прочего, ни в одном из бесчисленных городских некрополей

¹⁷ Благодарю И. И. Толочко за представление рукописи полевого отчета Т. М. Арсеньевой и И. В. Толочко за конец 2001 – начало 2002 гг., чертежей, а также антропологических определений Е. Ф. Батиевой.

греческого города во всем эллинском мире оружие в серии могил гречанок выявить никогда не удавалось.

Другая серия могил сарматских жен с оружием рубежа II–III вв. н. э. обнаружена в поселениях-крепостях нижнедонских меот, зависимых от номадов. Это **Кобяково**, могила 38, раскоп II, 2002 г. [Ларенок 2016, табл. 39]; **Сухо-Чалтырское**, могила 12, 2011 г. [Абоян, Ларенок 2013, рис. 3]; **Темерницкое**, катакомба, 2002 г.) [Ларенок 2016, 76]. Как известно, в соседнем бассейне Кубани, откуда недавно (и явно не добровольно) мигрировали меоты, женские могилы с оружием сарматской эпохи вообще не обнаружены. У всех этих женщин (в еще более почтенном тогда возрасте 35–45 лет) был только один предмет вооружения, и весьма специфический – длинный меч всадника (!). Единственная женщина-воительница более раннего среднесарматского времени (конец I в. н. э.) была заметно моложе (20–25 лет) и имела другое, еще более необычное для женщин оружие – лук с костяными пластинами и без стрел (Кобяково, могила 157, раскоп КН-2000) [Ларенок 2013, табл. 82–83]. Этих женщин сопровождали, среди прочего, миниатюрные зеркала с сарматской тамгой (которые принято считать брачным атрибутом женщин-сарматок, попавшим замуж в чужие края) [Яценко 2018в]¹⁸. Показателен

¹⁸ Сегодня у нас имеются вполне ясные свидетельства проникновения сарматов в наиболее хорошо изученное Кобяково уже с раннего периода существования городища. При этом у элементов средне- и позднесарматской культур в грунтовом кладбище Кобяково – явно “женское лицо”, то есть почти все яркие сарматские элементы связаны с женскими могилами. Это были, видимо, сарматские по происхождению жены. Эти женщины, в отличие от женщин раннего Танаиса, как видно, не попали в состав местной элиты, даже ее нижнего слоя, а стали женами именно рядовых меотских мужчин. Это говорит о том, что на довольно частые брачные связи с “презренными” для кочевников земледельцами-меотами были вынуждены пойти только те кланы и семьи номадов, которые оказались в бедственном положении (лишились скота, верховых лошадей и дорогого оружия из-за джута и войн, особенно с другими номадами) и нуждались в экономической, а то и военной поддержке обитателей Кобяковской крепости. То, что это “женское лицо” некрополя гораздо более активно проявляется после середины II в. н. э., говорит о сумятице в степи, вызванной довольно массивным вторжением с востока “поздних сарматов”.

планиграфический контекст могилы воительницы из Кобяково с мечом (рис. 13). Подавляющее большинство из 90 погребений на этом раскопе – более раннего времени. Могила умершей помещена в центре “семейного скопления” из 12 погребений поздне-сарматской эпохи и является в нем самой ранней из взрослых. К западу от нее расположены могилы детей, к востоку – вытянутая по линии север – юг полоса могил пожилых взрослых, восточный же край скопления также обрамляют детские погребения.

Парные могилы воительницы и ее предполагаемого мужа

Для скифской эпохи мы знаем в разных районах степной зоны небольшую серию совместных погребений женщины-воина вместе или рядом с ее вероятным мужем – сверстником или (чаще) старше ее по возрасту. Захоронение вместе могло выглядеть по-разному: в одной могиле (в том числе в одном гробу) или в двух соединенных могилах. В случае погребения обоих в одной могиле антропологи не выявляют боевые ранения у умерших; вероятно, смерть супругов наступила из-за эпидемии или голодовки. Подобные могилы встречаются редко. Классические примеры для элитных погребений разных рангов в Саяно-Алтае – курган Аржан 2 в Туве [Сугупов, Parzinger, Nagler 2003, *Abb. 18*] и курган 1 в Ак-Алахе I [Полосьмак 1994, *рис. 19*]. Показательно, что в больших скифских некрополях таких погребений либо нет (Скельки), либо оно всего одно (Мамай-Гора, курган 45; Елизаветовское, к. 51/2). В малых некрополях скифского времени такой случай также всегда отмечается лишь для одной пары у скифов (Кут, к. 7/9; Три Брата, курган 2), скифизированных племен лесостепи (Холодный Яр у р. Тясмин, курган 20) и у предполагаемых сираматов (Сладковка, курган 4) [Богаченко 2017, 197, 201, 189, 205]. Очень редки случаи, когда мужчина по возрасту намного старше, и мог быть как мужем, так и отцом (Мамай-Гора, курган 36; Ак-Алаха I). Не менее редки ситуации, когда в такой общей могиле жена была вооружена намного лучше отца (?) (Ак-Алаха I) или когда оружие было только у жены (Волго-Уральский регион: Новоникольское, к. 5/4; Покровка 8, к. 6/3) [Богаченко 2017, 208, 210].

Для более поздней сарматской эпохи мы наблюдаем иную традицию: погребения воительницы и ее вероятного мужа в

одном кургане, где были всего две могилы взрослых (Новый, курганы 63, 75, 84, 92, 95). В таких случаях одного из супругов хоронили рядом спустя несколько лет. Особый случай представляет семейный некрополь правителя и окружавших его кольцом могил шести его жен в *Тилля-мене* в середине I в. н. э. (женская могила 7 была разграблена солдатами правительственной армии) (рис. 14). Здесь жены правителя располагались вокруг него двумя дугами (по три могилы с юго-востока и с северо-запада, с самой “влиятельной” из жен данной группы в центре дуги). Наверху, внутри древней крепости располагались, вероятно, более значимые жены с самым роскошным костюмом и атрибутами высокого статуса (включая “главную жену” в могиле 3), а внизу, у подножья крепости – менее влиятельные жены (взятые из менее значимых для мужа территорий или семей). У молодой женщины из могилы 2 мы видим тот же статусный атрибут, что и у синхронных сарматов – боевой топор. В отличие от других жен, основные элементы ее костюма (куртка, головной убор и др.) – “мужского” кушанского облика [Yatsenko 2001].

Заключение

В целом в мире ранних кочевников Евразии скопления некрополей, где за короткое время были похоронены несколько женщин с оружием, обнаружены по одному, относительно небольшому району лишь в геродотовой Скифии (низовья Днепра, IV в. до н. э.) и в Сарматии (низовья Дона, I в. до н. э. – середина III в. н. э.). Здесь, в ключевых зонах Скифии и Сарматии, с их наилучшими пастбищами, обилием опасных врагов и наличием городских центров – сосредоточия торговли, женщин с оружием выявлено заметно больше. Толкование хронологических рамок бытования таких могильников тоже не составляет большой проблемы. В IV в. до н. э. возрастает число женщин с оружием в связи с дезинтеграцией Скифии, а у сарматов начала – середины I в. н. э. и 2-й половины II в. н. э. – из-за двух волн миграции из Центральной Азии. В восточных же регионах степи могил воительниц почти не выявлено. Показательны крупные сакские некрополи Южного и Юго-Восточного Казахстана, особенно – хорошо изученный некрополь Каратума [Байпаков, Воякин, Захаров

2016], где воительниц не обнаружено вовсе. Итак, реальная востребованность “вооруженных” женщин в могилах была очень различной в разных частях мира ранних кочевников.

С большой долей вероятности в тех племенных группах ранних кочевников, которые бывали часто втянуты в серьезные конфликты на лучших пастбищах и с высокой плотностью кочевого населения, все здоровые женщины со времени достижения брачного возраста (то есть после 12 лет) могли получать военную подготовку, вроде описанной Геродотом для савроматов и Помпонием Мелой – для язаматов / иксаматов, в том числе – во время коллективных охот и небольших военных столкновений. У кочевников недавнего прошлого и без того каждая женщина была наездницей и обычно умела себя защитить. Однако необходимость мобилизации женщин даже в зонах частых и серьезных конфликтов, видимо, возникала редко, и в сражениях участвовали не все. Трупы большинства погибших на войне женщин оставались на месте сражений и, видимо, поэтому на клановых кладбищах встречены в небольшом количестве.

Интересно, что женщины с оружием в могилах имеют чаще возраст старше 25–30 лет, то есть уже после долгих лет замужества (брачный возраст традиционно – с 12 лет!) и рождения многих детей (и подчас хоронились вместе с ними из-за эпидемий и голодовок). Напротив, в более раннем возрасте (именно тогда, когда они наиболее успешно могли выполнять свою общественную функцию защитниц) оружие с ними обычно не клали. Вероятно, помещение оружия в могилу было связано с двумя факторами: **(1) с особыми личными военными заслугами в прежние годы и (2) со статусом семьи (или мужа) на момент смерти женщины.** Набор женского оружия в каждом сообществе отличался от мужского, это хорошо демонстрируют материалы больших некрополей. Более престижное оружие, чем обычные стрелы, могло зависеть от возрастной группы (Мамай-Гора) или от традиций конкретного клана, связанного с одним из типов могил (Новый). Родственники не стремились (и при всем желании не могли) поместить в могилу женщине полный комплекс ее вооружения, употреблявшийся в молодые годы. Он могли иногда положить ей их личное оружие, аналогичное тому, которое она

употребляла сама. В большинстве случаев было достаточно нескольких стрел. Но социально значимой даме для обозначения ее воинского, семейного (а иногда и ритуального?) статуса иногда было нужно наличие вооружения одного более редкого типа (1–4 копья и чешуйчатый доспех у скифов; топор, длинный меч или три разных клинка у сарматов).

Для сарматов, попавших замуж в поселения оседлых культур в устье Дона (эллинистический Танаис, меотские поселения), их оружие оставалось важным фактором самоидентификации, что признавалось и их новой родней; часть этих женщин была интегрирована в местную элиту. Достоверно известны некрополи, где малочисленные женщины с оружием занимали почетное место в композиции кладбища и сопровождалась большим числом атрибутов высокого статуса и необычных ритуальных артефактов, чем мужчины. Однако для большинства рядовых участниц военных походов это было наверняка лишь дополнительной и жесткой эксплуатацией со стороны патриархального общества (помимо хозяйственной, сексуальной и т. д.), и ни о каких “пережитках матриархата” не может быть и речи¹⁹. Подлинный статус воительниц отражен и в том, что они практически не удостоились изображений в искусстве номадов (собственном и заказном у оседлых соседей). Единственное исключение – несколько статуй в двух святилищах III–I вв. до н. э. в почти безлюдных и тогда районах плато Устюрт – только подтверждает это правило [Яценко 2018б]²⁰.

В целом материалы могил воительниц отражают особенности военно-политической ситуации для конкретного региона и периода, роль клана и семьи (ее родных и мужа), детали разных аспектов статуса конкретной женщины на момент смерти (в том числе связанных с заслугами) и обстоятельств последней²¹. Перспективно изучение планиграфии как небольших некрополей с 1–2 могилами женщин с оружием, так и серий таких могил на крупных кладбищах.

¹⁹ Ср.: [Мирошина 1990].

²⁰ Я не исключаю, что в этих поминальных комплексах на единичных женских статуях среди множества мужских представлены обычно не реальные умершие, а легендарные, фольклорные персонажи.

²¹ См., например: [Яценко 2015б, 13].

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Скифские некрополи конца V–IV вв. до н. э. с тремя и более женщинами-воительницами

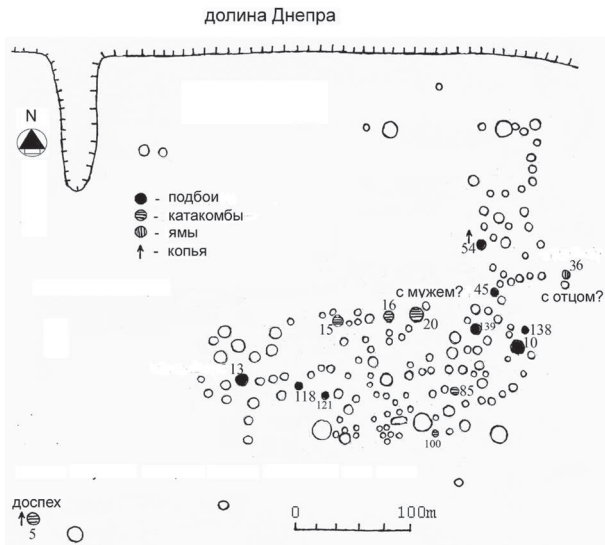

Рис. 2. Женщины-воительницы в контексте скифского некрополя Мамай-Гора

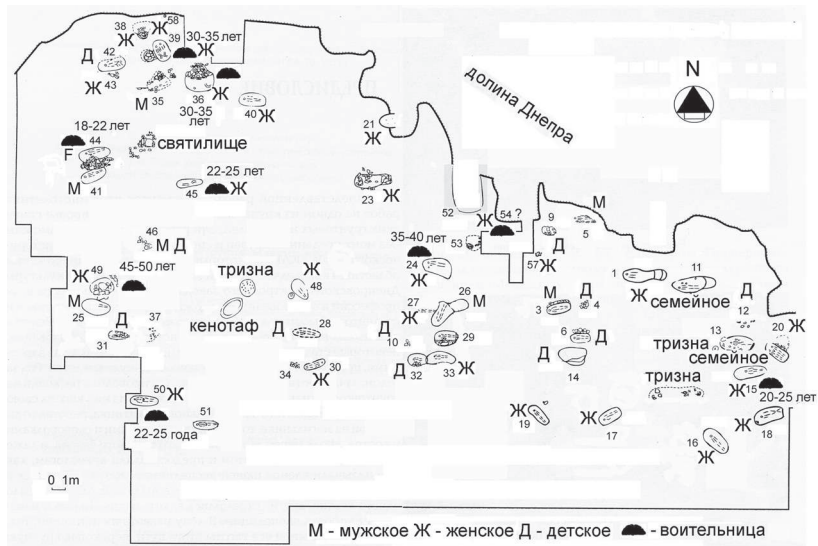

Рис. 3. Женщины-воительницы в скифском грунтовом могильнике Скельки (на основе: [Попандопуло 2011, 6–7])

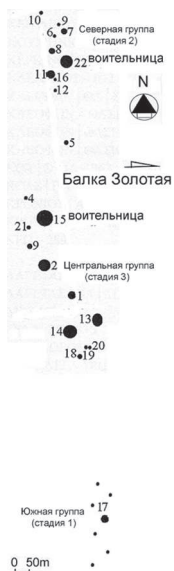

Рис. 4. Женщины-воительницы в скифском некрополе Рядовые Могилы (Золотобалковский) (на основе: [Полин 2014, рис. 1, 2 цв. вкладки])

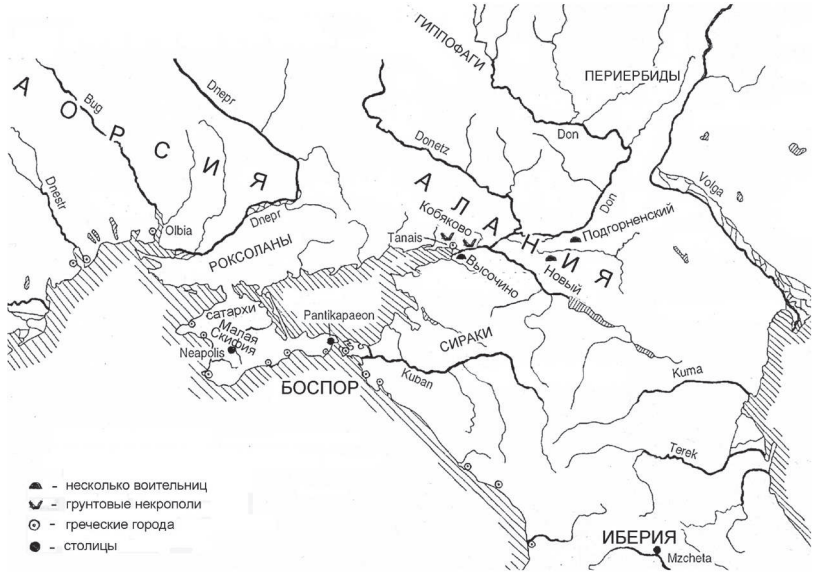

Рис. 5. Некрополи Сарматии конца I в. до н. э. – начала III в. н. э. с несколькими женщинами-воительницами (этнополитическая карта представлена на 2-ю половину I в. н. э.)

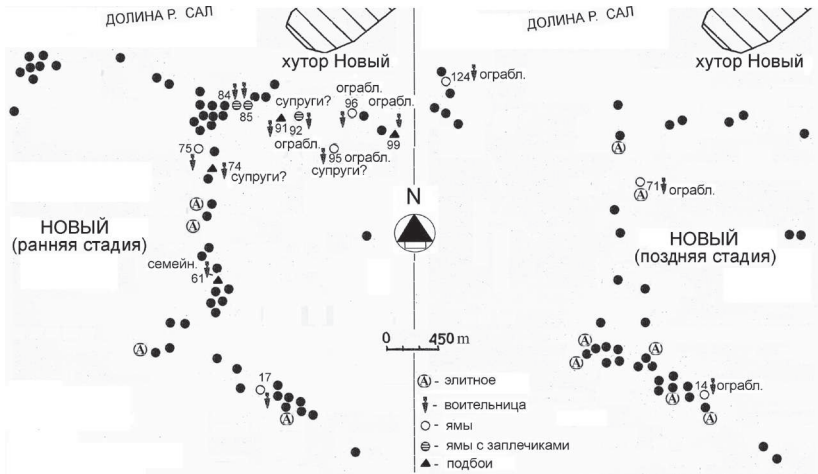

Рис. 6. Среднесарматский некрополь Новый (на основе: [Яценко 2016а, рис. 2])

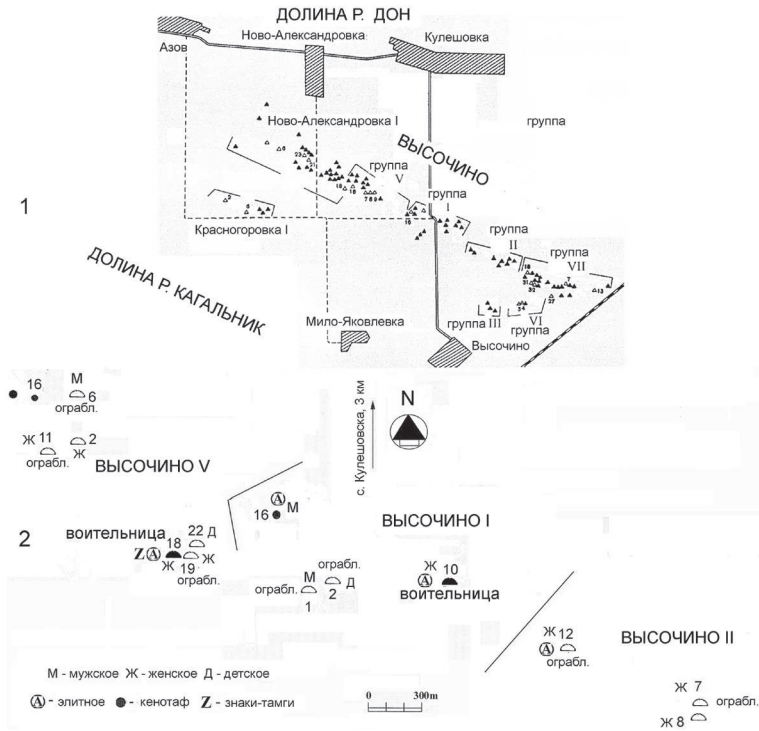

Рис. 7. Женщины-воительницы в контексте позднесарматского некрополя Высочино I–II–V (на основе: [Яценко 2016а, рис. 3])

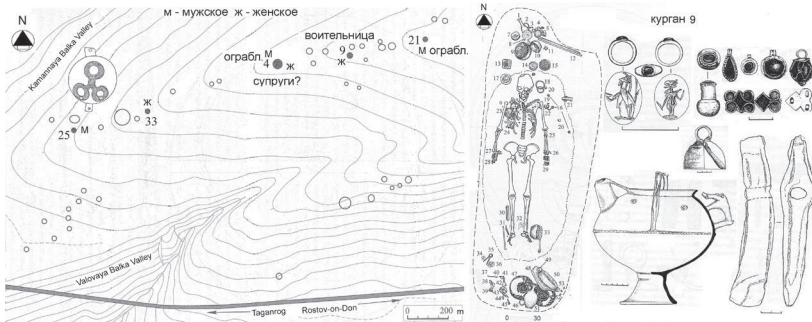

Рис. 8. Женщина-воительница в контексте позднесарматского некрополя Валовый I (на основе: [Безуглов, Глебов, Парусимов 2009, рис. 2, 9, 16, 20, 21, 23])

Рис. 9. Женщина-воительница в контексте среднесарматского некрополя Перегрузное I (на основе: [Яценко 2016а, рис. 1])

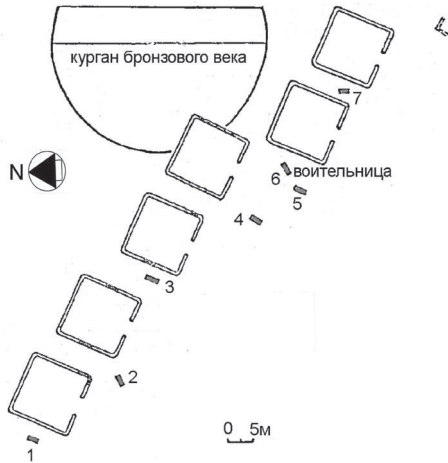

Рис. 10. Женщина-воительница в контексте позднесарматского некрополя Новые Бедражи (на основе: [Курчатов, Симоненко, Чирков 1995])

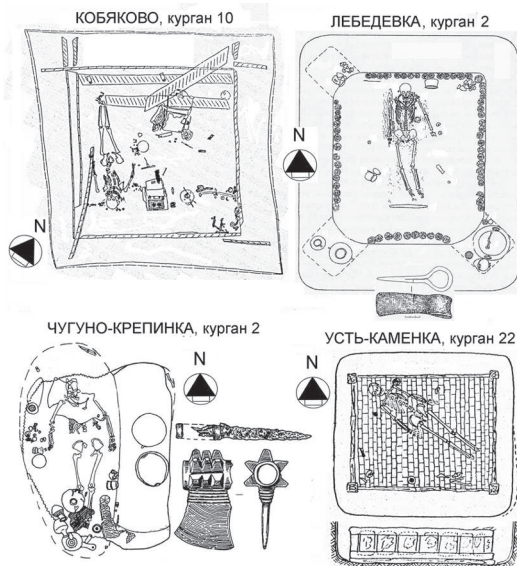

Рис. 11. Образцы погребений женщин средне- и позднесарматской культур с топором (1 – по Т. А. Прохоровой; 2 – по М. Г. Мошковой; 3 – по А. В. Симоненко; 4 – по В. И. Костенко)

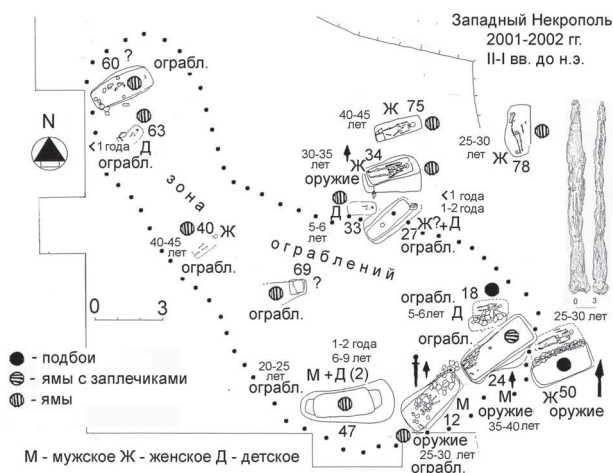

Рис. 12. Женщины-воительницы в контексте некрополя Танаиса II–I вв. до н. э., раскоп 2001–2002 гг. (полевой чертеж-основа любезно предоставлен И. И. Толочко)

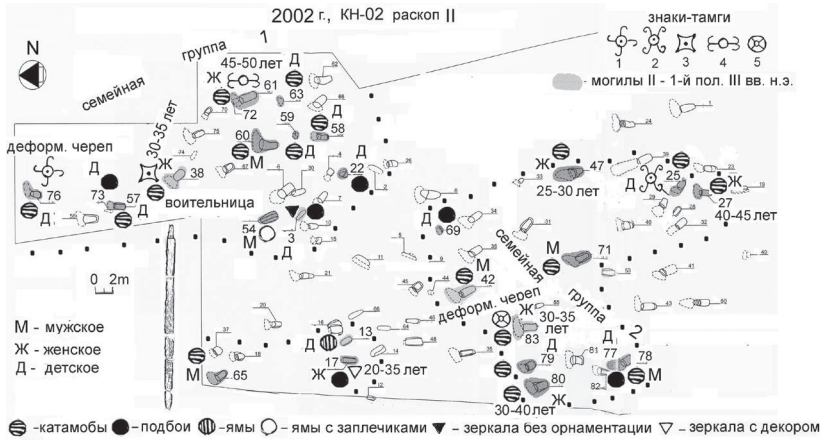

Рис. 13. Женщина-воительница в контексте позднесарматского участка некрополя Коб'яково (раскоп II 2002 г.) (на основе: [Ларенок 2016, табл. 4])

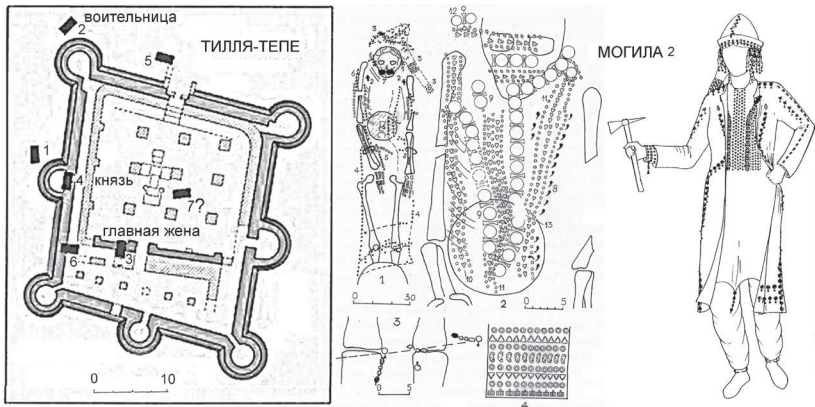

Рис. 14. Женщина-воительница в контексте семейного некрополя Тилля-тепе (на основе: [Yatsenko 2001])

ЛИТЕРАТУРА

Абоян А. В., Ларенок В. А. Раскопки некрополя Сухо-Чалтарского городища в 2011 году // *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону (в 2011 г.)*. Вып. 27. Азов, 2013.

Андрух С. И., Тоцев Г. Н. *Могильник Мамай-Гора*. Кн. I-IV. Запорожье, 1999, 2001, 2004, 2009.

Байпаков К. М., Воякин Д. А., Захаров С. В. Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье. Алматы, 2016.

Балабанова М. А. Демография поздних сарматов // **Нижне-волжский археологический вестник.** Вып. 3. Волгоград, 2000.

Балабанова М. А., Перерва Е. В., Клепиков В. М., Кривошеев М. В., Демкин В. А., Ельцов М. В., Скрипкин А. С., Удальцов С. Н., Яворская Л. В., Дьяченко А. Н. Курганный могильник Перегрузное I: результаты междисциплинарных исследований. Волгоград, 2014.

Батиева Е. Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. – IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование). Ростов-на-Дону, 2011.

Безуглов С. И., Глебов В. П., Парусимов И. Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I). Ростов-на-Дону, 2009.

Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Т. 1. Ростов-на-Дону, 2008.

Богаченко Т. Н. Женщины-воительницы южнорусских степей: Исторические основы сказаний. Saarbrücken, 2011.

Богаченко Т. В. Исторические основы сказаний о женщинах-воительницах южнорусских степей. Ростов-на-Дону – Таганрог, 2017.

Ботяков Ю. М. Аламан. Социально-экономические аспекты института набега у туркмен. Санкт-Петербург, 2002.

Вдовченков Е. В. “Мужское” и “женское” в погребальном обряде и обществе сарматов Подонья (по материалам курганного могильника Новый) // **Учитель.** 2013. № 4.

Глебов В. П., Толочко И. В. Женские погребения с оружием на Нижнем Дону в эпоху позднего эллинизма: Танаис и сарматы // **Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона** / Отв. ред. С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону, 2016.

Дараган М. Н. Скифские междоусобицы // **Вестник древней истории.** 2016. № 1.

Ильюков Л. С., Власкин М. В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону, 1992.

Калоев Б. А. Мотив амазонок в осетинском нартовском эпосе // **Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.** 1959. Вып. XXII.

Курпий С. А. Скифский курганный могильник у с. Новофедоровка на юге Херсонщины // **Курганы степной Скифии** / Отв. ред. Ю. В. Болтрик, Е. П. Бунятян. Киев, 1991.

Курчатов С. И., Симоненко О. В., Чирков А. Ю. Сарматский войньський могильник на Середньому Пруті // **Археологія**. 1995. № 1.

Ладоговская Е. Ф., Сымонович Э. А. Скифский могильник у с. Михайловка на Нижнем Днепре // **Скифские древности** / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев, 1973.

Ларенок В. А. **Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999–2000 гг.** Ч. I. Ростов-на-Дону, 2013.

Ларенок В. А. **Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 2000–2001, 2002, 2004 годов.** Ч. II. Ростов-на-Дону, 2016.

Мирошина Т. В. Амазонки у сарматов и проблемы матриархата // **Проблемы скифо-сарматской археологии** / Под ред. А. И. Милуковой. Москва, 1990.

Перерва Е. В., Лукьяшко С. И. О семантике обряда скальпирования у ранних сарматов // **Погребальный обряд ранних кочевников Евразии (Материалы и исследования по археологии Юга России)** / Отв. ред. Матишев Г. Г., Яблонский Л. Т., Лукьяшко С. И. Вып. III. Ростов-на-Дону, 2011.

Полин С. В. **Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине.** Киев, 2014.

Полосьмак Н. В. **Стерегущие золото грифы (Ак-Алахинские курганы).** Новосибирск, 1994.

Попандопуло З. Х. **Скифский грунтовый могильник Скельки.** Запорожье, 2011.

Фиалко Е. Е. Погребения амазонок из могильника Мамай-Гора // **Stratum plus**. 2010. № 3.

Фиалко Е. Е. Амазонки во времени и пространстве // **Археологія і давня історія України**. 2015. Вип. 4.

Хазанов А. М. **Очерки военного дела сарматов.** Москва, 1971.

Шевченко О. Б. Ритуальна функція викоростання предметів озброєння у жіночих похованнях сарматів – списи, мечі, сокири // **Археологія, етнологія та охорона культурної спадщини Південно-Східної Європи** / Відп. ред. О. В. Сминтина. Одеса, 2018.

Яценко С. А. Антропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II–I вв. до н. э. // **Stratum plus**. 2000. № 4.

Яценко С. А. О женщинах-“жрицах” у ранних кочевников (на примере знатных сарматок I в. до н. э. – II в. н. э.) // **Мировоззрение народов Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе** / Отв. ред. П. К. Дашковский. Вып. 1. Барнаул, 2007.

Яценко С. А. Древние орудия в культуре сарматов и поздних скифов // **Нижеволжский археологический вестник**. Вып. 9. Волгоград, 2008.

Яценко С. А. Дружина у кочевых сарматов: материальные свидетельства // **Историческое обозрение**. Вып. 15: **Элита России в прошлом и настоящем. (Материалы III Всероссийской научной конференции)** / Отв. ред. С. В. Алексеев. Москва, 2014а.

Яценко С. А. К интерпретации групп воинских погребений в сарматских некрополях // **Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XVIII Крупновские чтения. Материалы международной конференции** / Отв. ред. Д. С. Коробов. Москва, 2014б.

Яценко С. А. Костюм женщин-воительниц у ранних кочевников // **Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии. Материалы XVIII-й международной научной конференции** / Под ред. Н. М. Калашниковой. Санкт-Петербург, 2015а.

Яценко С. А. Сарматские женщины-воительницы: историографический миф и археологическая реальность // **Высшее образование для XXI века. XII Международная научная конференция. Доклады и материалы. Секция 7. Проблемы исторического образования** / Отв. ред. С. В. Алексеев. Москва, 2015б.

Яценко С. А. К изучению планиграфии крупных сарматских некрополей // **Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции “Проблемы сарматской археологии и истории”** / Отв. ред. Яблонский Л. Т., Краева Л. А. Оренбург, 2016а.

Яценко С. А. Сарматский могильник 2-й половины I – начала II вв. н. э. у с. Усть-Каменка: особенности планиграфии // **Старожитности степового Причорномор’я і Криму**. 2016б. Т. XIX.

Яценко С. А. Предполагаемые воины-побратимы в кочевых сарматских некрополях Нижнего Дона // **Новое прошлое**. 2016в. № 3. Ростов-на-Дону.

Яценко С. А. Сарматская элита у границ Боспора I–III вв. н. э. // **Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы**

международного круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 года) / Отв. ред. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. С.-Петербург, 2016г.

Яценко С. А. Планиграфия скифского могильника Мамай-Гора // **Старожитності степового Причорномор'я і Криму**. 2017. Т. XX.

Яценко С. А. Женщины-воительницы у ранних кочевников: социальный статус, экипировка и костюм // **Мужской и женский мир в отражении археологии. Материалы всероссийской научной конференции** / Отв. ред. Я. В. Рафикова. Уфа, 2018а.

Яценко С. А. Женщины-воительницы в искусстве ранних кочевников // **Вестник РГГУ. Серия “Философия. Социология. Искусствоведение”**. 2018б. № 1 (11).

Яценко С. А. Планиграфия знаков-тамг в некрополях оседлого населения Сарматии // **Stratum plus**. 2018в. № 6.

Яценко С. А., Вдовченков Е. В. О некоторых сторонах военной организации древних кочевников европейской Степи // **Знание. Понимание. Умение**. 2015. № 1.

Сугунов К. V., Parzinger H., Nagler A. Der scythische Fürstengrabhügel von Aržan 2 in Tuva. Vorbericht der russisch-deutschen Ausgrabungen 2000–2002 // **Eurasia Antiqua**. 2003. Bd. 9.

Yatsenko S. A. The Costume of the Yuech-Chich / Kushans and Its Analogies to the East and to the West // **Silk Road Art and Archaeology**. Vol. 7. Kamakura, 2001.

REFERENCES

Aboyan A. V. and Larenok V. A. (2013), “Raskopki nekropolya Sukho-Chaltarskogo gorodishcha v 2011 godu”, *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu (v 2011 g.)* 27, Azov, pp. 68–97. (In Russian).

Andrukh S. I. and Toshchev G. N. (1999, 2001, 2004, 2009), *Mogil'nik Mamay-Gora*, Kn. I–IV, Izd-vo ZNU, Zaporozh'ye. (In Russian).

Байпакон К. М., Войакин Д. А., и Захаров С. В. (2016), *Могил'ник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиреч'е*, Археологическая экспертиза, Алматы, 672 p. (In Russian).

Balabanova M. A. (2000), “Demografiya pozdnykh sarmatov”, *Nizhnevolszhskiy arkheologicheskiy vestnik* 3, Volgograd, pp. 201–8. (In Russian).

Balabanova M. A., Pererva E. V., Klepikov V. M., Krivoshe-yev M. V., Demkin V. A., El'tsov M. V., Skripkin A. S., Udal'tsov S. N.,

Yavorskaya L. V. and D'yachenko A. N. (2014), *Kurgannyi mogil'nik Peregruznoye I: rezul'taty mezhdistsiplinarykh issledovaniy*, Izdatel'stvo VF RANKHiGS, Volgograd, 360 p. (In Russian).

Batiyeva E. F. (2011), *Naseleniye Nizhnego Dona v IX v. do n. e. – IV v. n. e. (paleoantropologicheskoye issledovaniye)*, YuNTS RAN, Rostov-na-Donu, 160 p. (In Russian).

Bezuglov S. I., Glebov V. P. and Parusimov I. N. (2009), *Pozdnesarmatskiye pogrebeniya v ust'ye Dona (kurgannyi mogil'nik Valovyy I)*, Media-Polis, Rostov-na-Donu, 128 p. (In Russian).

Bespalyy E. I. and Luk'yashko S. I. (2008), *Drevneye naseleniye mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. Kurgannyi mogil'nik u s. Vysochino. T. 1. Rostov-na-Donu: YUNTS RAN. 220 p. (In Russian).*

Bogachenko T. N. (2011), *Zhenshchiny-voitel'nitsy yuzhno-russkikh stepey: Istoricheskiye osnovy skazaniy*, LAP Lambert Academic Publ., Saarbrücken, 256 p. (In Russian).

Bogachenko T. V. (2017), *Istoricheskiye osnovy skazaniy o zhen-shchinakh voitel'nitsakh yuzhnorusskikh stepey*, Yuzhnyy federal'nyi universitet, Rostov-na-Donu and Taganrog, 267 p. (In Russian).

Botyakov Yu. M. (2002), *Alaman. Sotsial'no-ekonomicheskkiye aspekty instituta nabega u Turkmen*, MAE RAN, Sankt-Petersburg, 192 p. (In Russian).

Vdovchenkov E. V. (2013), “Muzhskoye” i “zhenskoye” v pogrebal'nom obryade i obshchestve sarmatov Podon'ya (po materialam kurgannogo mogil'nika Novyy), *Uchitel' 4*, pp. 287–94. (In Russian).

Glebov V. P. and Tolochko I. V. (2016), “Zhenskiye pogrebeniya s oruzhiyem na Nizhnem Donu v epokhu pozdnego ellinizma: Tanais i sarmaty”, S. I. Luk'yashko (ed.), *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir Ponto-Kaspiyskogo regiona*, Rostov-na-Donu: YuNTS RAN, pp. 44–84. (In Russian).

Daragan M. N. (2016), “Skifskiy mezhdousobitsy”, *Vestnik drevney istorii 1*, pp. 22–62. (In Russian).

Il'yukov L. S. and Vlaskin M. V. (1992), *Sarmaty mezhdurech'ya Sala i Manycha*, Izd-vo RGU, Rostov-na-Donu, 288 p. (In Russian).

Kaloyev B. A. (1959), “Motiv amazonok v osetinskom nar-tovskom epose”, *Kratkiye soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR XXII*, pp. 45–51. (In Russian).

Kupriy S. A. (1991), “Skifskiy kurgannyi mogil'nik u s. Novofedorovka na yuge KHersonshchiny”, Yu. V. Boltrik, E. P. Bunyatyan

(eds.), *Kurgany stepnoy Skifii*, Naukova dumka, Kiev pp. 108–17. (In Russian).

Kurchatov S. I., Simonenko O. V. and Chirkov A. Yu. (1995), “Sarmats’kiy voins’kiy mogil’nik na Seredn’omu Pruti”, *Arkheologiya* 1, pp. 112–23. (In Ukrainian).

Ladogovskaya E. F. and Symonovich E. A. (1973), “Skifskiy mogil’nik u s. Mikhaylovka na Nizhnem Dnepre”, A. I. Terenozhkin (ed.), *Skifskiy drevnosti*, Naukova dumka, Kiev, pp. 235–42. (In Russian).

Larenok V. A. (2013), *Meotskiye drevnosti. Katalog pogrebal’nykh kompleksov Kobyakova gorodishcha iz raskopok 1999–2000 gg.*, P. I, Donskoy izdatelskiy Dom, Rostov-na-Donu, 448 p. (In Russian).

Larenok V. A. (2016), *Meotskiye drevnosti. Katalog pogrebal’nykh kompleksov Kobyakova gorodishcha iz raskopok 2000–2001, 2002, 2004 godov*, P. II, Donskoy izdatelskiy Dom, Rostov-na-Donu, 320 p. (In Russian).

Miroshina T. V. (1990), “Amazonki u sarmatov i problemy matriarkhata”, A. I. Milyukovoy (ed.), *Problemy skifo-sarmatskoy arkheologii*, Nauka, Moskva, p. 159–76. (In Russian).

Pererva E. V. and Luk’yashko S. I. (2011), “O semantike obryada skal’pirovaniya u rannikh sarmatov”, Matishev G. G., Yablonskiy L. T., Luk’yashko S. I. (eds.), *Pogrebal’nyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii (Materialy i issledovaniya po arkheologii Yuga Rossii)*, P. III, YuNTS RAN, Rostov-na-Donu, pp. 377–97. (In Russian).

Polin S. V. (2014), *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyi mogil’nik V–IV vv. do n. e. na Khersonshchine*, Vidavets’ Oleg Filyuk, Kiev, 776 p. (In Russian).

Polos’mak N. V. (1994), *Steregushchiye zoloto grify (Ak-Alakhinskiye kurgany)*, Nauka, Novosibirsk, 125 p. (In Russian).

Popandopulo Z. Kh. (2011), *Skifskiy gruntovyy mogil’nik Skel’ki*, Zaporozhskiy obl. krayevedcheskiy muzey, Zaporozh’ye, 116 p. (In Russian).

Fialko E. E. (2010), “Pogrebeniya amazonok iz mogil’nika Mamy-Gora”, *Stratum plus* 3, pp. 187–96. (In Russian).

Fialko E. E. (2015), “Amazonki vo vremeni i prostranstve”, *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy* 4, pp. 46–99. (In Russian).

Khazanov A. M. (1971), *Ocherki voyennogo dela sarmatov*, Nauka, Moscow, 172 p. (In Russian).

Shevchenko O. B. (2018), “Rytual’na funktsiya vykorostannya predmetiv ozbroennyya u zhinochykh pokhovannyakh sarmativ – spysy, mechi, sokyry”, Smyntyna O. V. (ed.), *Arkheolohiya, etnolohiya ta okhorona kul’turnoy spadshchyny Pivdenno-Skhidnoyi Evropy*, ONU, Odesa, pp. 224–31.

Yatsenko S. A. (2000), “Antropomorfnyye obrazy v iskusstve iranoyazychnykh narodov Sarmatii II–I vv. do n. e.”, *Stratum plus* 4, pp. 251–72. (In Russian).

Yatsenko S. A. (2007), «O zhenshchinakh–“zhritsakh” u rannikh kochevnikov (na primere znatnykh sarmatok I v. do n. e. – II v. n. e.)», P. K. Dashkovskiy (ed.), *Mirovozzreniye narodov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral’noy Azii v istoricheskoy retrospektive* 1, AIGU, Barnaul, pp. 58–66. (In Russian).

Yatsenko S. A. (2008), “Drevniye orudiya v kul’ture sarmatov i pozdnykh skifov”, *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskyy vestnik* 9, Volgograd, pp. 117–26. (In Russian).

Yatsenko S. A. (2014a), “Druzhina u kochevykh sarmatov: material’nyye svidetel’sтва”, S. V. Alekseev (ed.), *Istoricheskoye obozreniye. Vyp. 15: Elita Rossii v proshlom i nastoyashchem. (Materialy III Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii)*, Natsional’nyy Institut biznesa, Moscow, pp. 25–39. (In Russian).

Yatsenko S. A. (2014b), “K interpretatsii grupp voynskikh pogrebeniy v sarmatskikh nekropolyakh”, D. S. Korobov (ed.), *E. I. Krupnov i razvitiye arkheologii Severnogo Kavkaza. XVIII Krupnovskiye chteniya. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii*, In-t achaeologii RAN, Moscow, pp. 300–1. (In Russian).

Yatsenko S. A. (2015a), “Kostyum zhenshchin-voitel’nits u rannikh kochevnikov”, N. M. Kalashnikovoy (ed.), *Moda i dizayn: istoricheskyy opyt – novyye tekhnologii. Materialy XVIII-y mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, SPGUTD, Sankt-Petersburg, pp. 47–56. (In Russian).

Yatsenko S. A. (2015b), “Sarmatskiye zhenshchiny-voitel’nitsy: istoriograficheskyy mif i arkheologicheskaya real’nost’”, S. V. Alekseev (ed.), *Vysshey obrazovaniye dlya XXI veka. XII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. Doklady i materialy. Sektsiya 7. Problemy istoricheskogo obrazovaniya*, Izd-vo MGU, Moscow, pp. 6–15. (In Russian).

Yatsenko S. A. (2016a), Yablonskiy L. T., Krayeva L. A. (eds.), “K izucheniyu planigrafii krupnykh sarmatskikh nekropoley”, *Konstan-*

tin Fedorovich Smirnov i sovremennyye problemy sarmatskoy arkheologii. *Materialy IX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii"*, Izd-vo OGPU, Orenburg, pp. 311–9. (In Russian).

Yatsenko S. A. (2016b), "Sarmatskiy mogil'nik 2-y poloviny I – nachala II vv. n. e. u s. Ust'-Kamenka: osobennosti planigrafii", *Starozhitnosti stepovogo Prichornomor'ya i Krimu XIX*, pp. 196–212. (In Russian).

Yatsenko S. A. (2016v), "Predpolagayemyye voyny-pobratimy v kochevykh sarmatskikh nekropolyakh Nizhnego Dona", *Novoye proshloye 3*, Rostov-na-Donu, pp. 30–9. (In Russian).

Yatsenko S. A. (2016g), "Sarmatskaya elita u granits Bospora I–III vv. n. e.", V. Yu. Zuyev, V. A. Khrshanovskiy (eds.), *Elita Bospora i bosporskaya elitarnaya kul'tura. Materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola (Sankt-Peterburg, 22–25 noyabrya 2016 goda)*, Palatstvo, Sankt-Peterburg, pp. 276–82. (In Russian).

Yatsenko S. A. (2017), "Planigrafiya skifskogo mogil'nika Mamay-Gora", *Starozhitnosti stepovogo Prichornomor'ya i Krimu XX*, pp. 248–68. (In Russian).

Yatsenko S. A. (2018), "Zhenshchiny-voitel'nitsy u rannikh kochevnikov: sotsial'nyy status, ekipirovka i kostyum", Ya. V. Rafikova (ed.), *Muzhskoy i zhenskiy mir v otrazhenii arkheologii. Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*, In-t istorii, yazyka i literatury UfITS RAN, Ufa, pp. 203–13. (In Russian).

Yatsenko S. A. (2018b), "Zhenshchiny-voitel'nitsy v iskusstve rannikh kochevnikov", *Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedeniye"* 1 (11), pp. 153–61. (In Russian).

Yatsenko S. A. (2018v), "Planigrafiya znakov-tamg v nekropolyakh osedlogo naseleniya Sarmatii", *Stratum plus* 6, pp. 217–42. (In Russian).

Yatsenko S. A. and Vdovchenkov E. V. (2015), "O nekotorykh stornakh voyennoy organizatsii drevnikh kochevnikov evropeyskoy Stepi", *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye* 1, Moscow, pp. 171–82. (In Russian).

Čugunov K. V., Parzinger H. and Nagler A. (2003), "Der Scythische Fürstengrabhügel von Aržan 2 in Tuva. Vorbericht der Russisch-Deutschen Ausgrabungen 2000–2002", *Eurasia Antiqua* 9, pp. 113–62.

Yatsenko S. A. (2001), "The Costume of the Yuech-Chich, Kushans and Its Analogies to the East and to the West", *Silk Road Art and Archaeology* 7, Kamakura, pp. 73–120.

С. О. Яценко

**ЖІНКИ-ВОЙОВНИЦІ РАННІХ КОЧІВНИКІВ
У ВЕЛИКИХ І МАЛИХ НЕКРОПОЛЯХ**

(до аналізу планіграфії й уточнення статусу)

У цілому для Великого степу скупчення некрополів певного періоду, де були поховані кілька жінок зі зброєю, виявлені в пониззі Дніпра (IV ст. до н. е.) і в низов'ях Дону (кінець I ст. до н. е. – середина III ст. н. е.). Це найважливіші в економічному плані зони Скіфії та Сарматії, з найкращими пасовищами, з великою кількістю населенням і наявністю міст. У IV ст. до н. е. зросла кількість жінок зі зброєю у зв'язку з дезінтеграцією Скіфії, а в сарматів початку – сер. I ст. н. е. та 2-ї пол. II ст. н. е. – через дві хвили міграції зі Сходу. У Центральній Азії войовниць майже не виявлено. У тих племінних групах кочівників, які часто конфліктували за найпривабливіші регіони, всі жінки з часу досягнення шлюбного віку (12 років) могли отримувати військову підготовку під час колективних полювань і невеликих рейдів. Але і в них необхідність мобілізації жінок виникала зрідка, і у війнах брали участь не всі. Трупи більшості загиблих на війні жінок залишалися на місці боїв і не потрапили на кланові кладовища. Жінки-воїни в могилах мають частіше вік понад 25–30 років, після довгих років заміжжя. У більш ранньому віці (в період основної військової активності) зброї з ними зазвичай немає. Ймовірно, залучення зброї було пов'язане з двома факторами: з особливими особистими військовими заслугами в колишні роки і зі статусом сім'ї (або чоловіка) на момент смерті жінки. Жіночий набір зброї в будь-якому суспільстві відрізнявся від чоловічого. Більш престижна зброя, ніж звичайні стріли, іноді залежала від вікової групи або від традицій конкретного клану (який використовував конкретний тип могил). Родичі не прагнули помістити в могилу жінці повний комплекс її озброєння, яка вживалася в молоді роки (ймовірно, вони іноді клали з нею зброєю, аналогічну тій, яку вона використовувала). Соціально значущій жінці для позначення її статусу було достатньо наявності озброєння більш рідкісного типу (1–4 списи і лускатий обладунок у скіфів; сокира, довгий меч або три різних клинки в сарматів). Для сарматок, що потрапили заміж у поселення осілих культур у гирлі Дону, їхня зброя залишалася важливим фактором самоідентифікації, що визнавалося і їхніми новими родичами; частина цих жінок була інтегрована в місцеву еліту (в Танаїсі).

Ключові слова: жінки-войовниці, кочівники, скіфи, сармати, некрополі, планіграфія

С. А. Яценко

ЖЕНЩИНЫ-ВОИТЕЛЬНИЦЫ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ В БОЛЬШИХ И МАЛЫХ НЕКРОПОЛЯХ

(к анализу планиграфии и уточнению статуса)

В целом для Великой степи скопления некрополей определенного периода, где были похоронены несколько женщин с оружием, обнаружены в низовьях Днепра (IV в. до н. э.) и в низовьях Дона (конец I в. до н. э. – середина III в. н. э.). Это важнейшие в экономическом плане зоны Скифии и Сарматии, с наилучшими пастбищами, с большим количеством населения и наличием городов. В IV в. до н. э. возросло число женщин с оружием в связи с дезинтеграцией Скифии, а у сарматов начала – сер. I в. н. э. и 2-й пол. II в. н. э. – из-за двух волн миграции с востока. В Центральной Азии воительниц почти не выявлено. В тех племенных группах кочевников, которые часто конфликтовали за наиболее привлекательные регионы, все женщины со времени достижения брачного возраста (12 лет) могли получать военную подготовку во время коллективных охот и небольших рейдов. Но и у них необходимость мобилизации женщин возникала редко, и в войнах участвовали не все. Трупы большинства погибших на войне женщин оставались на месте сражений и не попали на клановые кладбища. Женщины-воины в могилах имеют чаще возраст старше 25–30 лет, после долгих лет замужества. В более раннем возрасте (в период основной военной активности) оружия с ними обычно нет. Вероятно, помещение оружия было связано с двумя факторами: с особыми личными военными заслугами в прежние годы и со статусом семьи (или мужа) на момент смерти женщины. Женский набор оружия в каждом сообществе отличался от мужского. Более престижное оружие, чем обычные стрелы, иногда зависело от возрастной группы или от традиций конкретного клана (использовавшего конкретный тип могил). Родственники не стремились поместить в могилу женщине полный комплекс ее вооружения, употреблявшийся в молодые годы (вероятно, они иногда клали с нею их оружие, аналогичное тому, которое она употребляла). Социально значимой даме для обозначения ее статуса было достаточно наличия вооружения более редкого типа (1–4 копыя и чешуйчатый доспех у скифов; топор, длинный меч или три разных клинка у сарматов). Для сарматок, попавших замуж в поселения оседлых культур в устье Дона, их оружие оставалось важным фактором самоидентификации, что признавалось и их новыми родственниками; часть этих женщин была интегрирована в местную элиту (в Танаисе).

Ключевые слова: женщины-воительницы, кочевники, скифы, сарматы, некрополи, планиграфия

Стаття надійшла до редакції 19.09.2018